

СУЩНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.Ш. Абдурахманов
(Россия, г. Грозный)

Ключевые слова: террор, терроризм, социальный феномен, насилие, преступление, информационное обеспечение.

Key words: terror, terrorism, social phenomenon, force, crime, information provision.

Выявление сущности терроризма представляет собой актуальную исследовательскую задачу, решение которой предполагает теоретическое и методологическое осмысление практических проявлений этого социально-политического феномена, сопряженного с насилием, устрашением в целях достижения политических уступок от функционирующей власти. Терроризм – многолик, поликаузален, что, безусловно, требует детального теоретического анализа и исследования. Латинское слово «*terror*» на русский переводится как страх, запугивание. Как отмечает Д.В. Ольшанский, «террор – это и есть возникающий в результате некоторых действий (прежде всего, насилия) ужас утраты человеком спокойствия или безопасности» [13, с. 17]. В справочной, научной литературе встречается более 100 определений понятия «террор». В Большом энциклопедическом словаре оно определяется как насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, навязывания определенной линии поведения [2, с. 1327]. Часто различают индивидуальный, групповой и государственный виды террора, а к последнему виду относятся репрессии диктаторских, тоталитарных режимов.

Как отмечает западный исследователь Брюс Хоффман, «слово терроризм впервые было использовано в годы Великой французской революции» [17, с. 3], но в то время этот термин имел положительное значение, так как система террора после революции 1789 г. была направлена на поддержание порядка в анархический переходный период. И «режим террора являлся инструментом управления в новом революционном государстве» [17, с. 4]. В своей работе, вышедшей после терактов, совершенных 11 сентября 2001 г. в США, Наум Хомский писал: «Терроризм – это применение к гражданскому населению средств принуждения или достижения политических, религиозных или иных целей. Как раз этим и было нападение на Всемирный торговый центр – террористическое преступление, особым образом направленное на устрашение» [16, с. 66].

В юридической литературе понятие «терроризм» определяется как «совокупность противоправных актов (убийств, похищений, диверсий и т.д.), служащих средством постижения политической цели» [1, с. 635]. Терроризм как социально-политический феномен непосредственно связан с физическим, психологическим и моральным насилием. Как отмечает В.В. Устинов, весь терроризм – это насилие либо физиологическое, либо психологическое [15, с. 12]. В отечественных исследованиях под терроризмом понимают крайнюю форму политического экстремизма, сопряженную с систематическим применением насилия, используемого при соответствующем социально-политическом и идеологическом обосновании [7, с. 137–138].

Такой же позиции придерживается С.У. Дикаев, определяющий терроризм как «совершение или угрозу совершения взрыва, поджога или иных общеопасных деяний, могущих повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленных на устрашение населения в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия» [7, с. 14–15].

Брюс Хоффман терроризм определяет как «насилие или, что не менее важно, угроза насилием, используемая и нацеленная на достижение или продвижение некоей политической цели» [17, с. 7]. Он также пишет: «Чтобы называться терроризмом, насилие должно быть совершено организованной общностью с какой-либо конспиративной структурой и распознаваемой цепью управления, а не отдельным лицом, действующим по собственному желанию» [17, с. 45]. Вызывает научный интерес высказывание Наума Хомского о том, что «под определением терроризма никогда не попадают ни могущественные державы, ни их клиенты» [17, с. 89] и «бессмысленное убийство мирных жителей – это терроризм, а не война против терроризма» [17, с. 89].

В многочисленных определениях терроризма, данных в исследованиях различных авторов, государственными учреждениями некоторых стран, а также содержащихся в международных документах, касающихся террористической деятельности, следует выделить ряд существенных и общих элементов, часто встречающихся в них. Все авторы соглашаются с тем, что терроризм – это одна из форм организованного насилия. Содержание понятия «насилие» интерпретируется большинством исследователей узко: как угроза или использование силы для причинения физического ущерба отдельному лицу или группе лиц, в отличие от его употребления в широком смысле – как лишение свободы и нарушение прав человека.

Террористы используют силу в политических целях, а поэтому терроризм – это явление, представляющее собой специфическую форму насилия. Вместе с тем многие формы вооруженного насилия нельзя считать терроризмом, равно как их пользование не свидетельствует о террористической практике. Терроризм основывается не на любом насилии, хотя насилие есть главное и существенное его оружие, а на программной доктрине, фиксирующей соответствующие цели и задачи. Террористический акт трансформируется в политический феномен посредством мотивов, придающих ему социально-политическую направленность. Эти формулировки и рассуждения предполагают конкретные уточнения: политическая направленность делает акт вооруженного насилия террористическим, а не просто разрушительным, смертоносным, и не всякое вооруженное насилие, осуществляемое с политической целью, следует считать терроризмом.

Говоря о сущности терроризма, следует ставить вопрос и о его корнях. Встречается точка зрения о том, что корни терроризма находятся внутри государственной системы, которая недееспособна достигнуть социальной справедливости, что часто используется внешне-политическими акторами, которые пытаются через экстремистские и террористические группировки реализовать свои геополитические интересы. Вопрос о корнях терроризма не имеет однозначной оценки. Так, по мнению В. Дымарского, «корни терроризма лежат скорее всего в политической, а не в экономической плоскости» [18, с. 43].

Вопрос о корнях терроризма сегодня актуален и для международной ситуации, поскольку «глобализация и связанные с ней экономические, политические, социальные процессы обострили проблемы терроризма и противодействия ему» [16, с. 43]. Эти процессы отразились на многих странах, в том числе на постсоветской России, в которой с 1993 г. по 2003 г. ежегодно наблюдался рост террористических преступлений. По мнению О.В. Дамаскина, «основой эскалации терроризма и насилия в обществе становится углубление межнациональных, межконфессиональных, социально-экономических, идеологических и политических противоречий» [16, с. 43]. Чаще всего исследователи считают, что террористические проявления всегда имеют социальные корни, связанные с сильной социальной поляризацией, угнетением одних социальных групп (в том числе этнических, конфессиональных, территориальных и т.п.) другими группами, готовность бороться с угнетателями [15, с. 168].

В отмеченный период в России наиболее рельефно наблюдалась картина социальной поляризации, а также политизации преступных группировок, использующих методы террора, представляющие угрозу национальной безопасности страны. И борьба против этого предполагала не только применение превентивных практических мер, но и разработку комплекса социально-экономических, политических, уголовно-правовых средств противодействия.

Террористическая деятельность в силу ее политического характера отличает ее от уголовного преступления, хотя между этими деликвентными явлениями существует и сходство. Так, в некоторых случаях происходит перерождение террористической группы в уголовную организацию. Уголовные преступники и террористы идут на сознательное нарушение существующей законности и правопорядка. Террористы как политические оппозиционеры исходят из того, что противостояние государству, нарушение законности является революционным актом. Важен и другой аспект. На основе игнорирования, нарушения законности или подмены правовых норм чрезвычайными установлениями осуществляется и государственный террор. Террористы к своим операциям нередко привлекают уголовников.

В связи с этим некоторые зарубежные политологи устанавливают разграничительную линию между терроризмом и уголовной преступностью, хотя большинство специалистов такую позицию не разделяют. Террористы, запугивая общество, осуществляют политическую дестабилизацию, пытаются изменить государственный строй. Уголовники же стараются не привлечь к себе излишнего внимания и не затрагивать основ общества, в рамках которого они и могут осуществлять свою преступную деятельность. Террористы стремятся повлиять на политическую систему государства, изменить ее, а уголовники преследуют цель обогащения, но не добиваются трансформации политической системы. Например, ограбление банка для террористов – вспомогательный акт, а для уголовников – основной. И, наоборот, если террористы убийству и угрозе убийства придают решающее значение, то профессиональные преступники их оправдают только в связи с возможностью наживы, или же они мотивированы необходимостью осуществления мести.

Достигнув конкретной материальной цели, уголовники временно прекращают свои действия, а террористы только начинают свою деятельность и ее осуществляют до тех пор, пока не будут уничтожены. Терроризм переплетается с уголовной преступностью, поэтому при исследовании этой ситуации нужно видеть и учитывать специфику каждого из этих феноменов. Без такого анализа сложно установить научные критерии для ответа на вопрос, является ли данная группа людей уголовной или политической. Если же ситуация является политической, то возникают вопросы: какова роль в ней уголовного элемента, эволюционирует ли политическая организация в уголовную и какова стадия этой эволюции и т.д.

Исследователями в научный оборот введен такой термин, как «уголовный терроризм», означающий совершение террористических акций уголовными элементами, например, мафией, с целью достижения определенных уступок от властей, запугивания власти, населения и т.д. Такого рода терроризм фиксируется, например, на Северном Кавказе. Однако этот тип терроризма недостаточно описан и проанализирован. Терроризм сочетает высокий уровень политической мотивации с низким уровнем участия народных масс, что отличает его от национально-освободительного движения, революции и других массовых политических движений. Террористическое насилие отличается и от такого социально-политического явления, как война. Это различие связано с рядом сложностей, которые необходимо учитывать в ходе анализа. Сходство между этими социально-политическими феноменами базируется на том, что в обоих случаях речь идет о применении оружия, убийствах, ранениях, у страшении людей. Более того, терроризм органически тяготеет к войне.

Сегодня терроризм обрел организованный идеологически обоснованный и систематический характер, и в нем функция устрашения выдвигается на первый план. Акции насилия становятся террористическими, если они порождают страх среди населения. В систему террористических средств входят как действия, непосредственно угрожающие жизни и безопасности людей, так и операции превентивного, запугивающего типа, вроде поджогов или взрывов в безлюдных помещениях, магазинах, офисах, штаб-квартирах политических партий, различных учреждениях. Все это сопровождается публикациями различного рода (манифесты, декларации, коммюник, листовки, создание веб-сайтов), а на страницах газет, экранах ТВ освещаются террористические акции.

Терроризм – это не самостоятельный вид современной войны, и он невозможен без информационно-психологического аспекта. Он не бывает анонимным, обычно вслед за проведением террористического акта ответственность за него берет какая-либо организация или частное лицо. Без громко заявленной цели террор теряет направленный смысл и превращается в обычное уголовное преступление. Поэтому ряд исследователей рассматривают терроризм «как форму политической коммуникации», подчеркивая, что это средство для оказания «целевого воздействия» на определенные группы населения. Обращая на это внимание, процитированный нами выше Брюс Хоффман, полагает, что, лишь только распространив террор и насилие на значительно большую аудиторию, террористы могут заполучить максимально эффективное средство для достижения крупных политических изменений в свою пользу [17, с. 174].

Кроме того, важно подчеркнуть, что террористы активно используют социальные технологии, в том числе СМИ, PR-акции, в целях самооправдания, создание в общественном мнении позитивного имиджа как «борцов за свободу, справедливость, демократию, гражданские права, национальное самоопределение» [17, с. 168].

С нашей точки зрения, деятельность СМИ по освещению терактов не должна способствовать террористам в пропаганде их идей и деяний. Подобное имело место в 1972 г. во время Всемирной Олимпиады в Мюнхене, когда палестинскими террористами были захвачены в заложники израильские олимпийцы, в ходе совершения Ш. Басаевым теракта в Буденовке в 1995 г., а также при совершении М. Бараевым (М. Сулеймановым) террористического захвата в «Норд-Осте» в октябре 2002 г., повлекшим за собой гибель сотен людей.

Говоря о террористических акциях, часто употребляют выражение «невинная жертва». В ходе терактов совершенно случайные люди, как правило, становятся жертвами преступлений. Важен, как уже подчеркивалось, эффект, производимый террористическим актом на власть, от которой зависит принятие того или иного решения, а также на определенные слои населения, которые своей реакцией могут способствовать принятию решения, нужного террористам. Они запугивают население, принуждают граждан сотрудничать с ним. В террористическом акте присутствуют три участника: тот, кто его совершает, его жертвы и объект воздействия, то есть те, кого хотят запугать и заставить вести себя соответствующим образом.

Наличие этих трех сторон отличает террористическую акцию не только от уголовного преступления, но и от политического убийства, весьма распространенного в современной истории. Все исследователи разделяют общее мнения в том, что терроризм – это метод борьбы, и отнесение того или иного акта к террористическому должно осуществляться на основании типа действия, а не в зависимости от личности преступника или мотива преступления. Подводя итог, следует отметить, что сущность терроризма определяется в зависимости от характера акции, а не от личности исполнителя или сути дела, за которое он борется. Все террористические акции сопряжены с применением насилия или угрозой насилия, при этом террористы часто выдвигают конкретные политические требования.

Насилие в основном направлено против гражданских объектов, и мотивы террористов имеют политический характер. Свои преступные акции они совершают, чтобы привлечь общественное внимание. Исполнители, как правило, являются членами организованных групп и в отличие от других преступников берут на себя ответственность за совершаемые акции. Они призваны оказать воздействие, выходящее за рамки причинения непосредственного физического ущерба, и используются не ради устранения отдельных лиц, а для запугивания правительств, социальных слоев и движений целых народов с целью достижения конкретных социально-политических результатов.

Нередко исследователи увязывают религию и терроризм, ислам и терроризм, пытаясь обосновать их совместимость. Примерно такой же позиции придерживается Брюс Хоффман: «Многие террористические группы прошлого и настоящего демонстрировали наличие сильной религиозной составляющей, в большинстве случаев посредством указания на их принадлежности к определенной конфессии» [17, с. 103]. Встречаются попытки придать религиозную, исламскую окраску действиям террори-

стических групп, но это вовсе не означает, что та или иная религия сопоставима с насилием. В своих выступлениях отдельные государственные деятели, исследователи понятиям «террор», «терроризм» придают конфессиональную и этническую окраску. Часто публикации журналистов, политиков и даже ученых изобилуют выражениями-страшилками – «исламский террор», «чеченский терроризм» [10, с. 489–494].

Вместе с тем авторитетные исследователи востоковеды-исламоведы отрицают такой подход. Так, известный востоковед, академик Е. Примаков, считает, что «ислам не имеет отношения к международному терроризму», а связывать ислам с терроризмом – это клевета на ислам [3, с. 2]. Такой оценки заслуживает и попытка связать терроризм с чеченским этносом, которая допускается отдельными военными, религиозными деятелями, исследователями. Как считают некоторые эксперты, только 15 % террористических организаций можно хоть как-то привязать к мусульманским территориям, а 35 % так или иначе связаны с Латинской Америкой, но при этом нет заявлений о том, что латиноамериканский терроризм угрожает существованию мира [12, с. 8].

Между тем терроризм по определению не имеет ни конфессионального, ни этнического основания, а стремление придать ему такие признаки означает намеренное искажение его сути, дискредитацию религии и ее последователей. Природа ислама в силу того, что эта религия мира, согласия, братства, милосердия, иная, чем та, что ему навязывают.

Сегодня террористические организации в мире широко и эффективно стали использовать международные потоки информации, финансов и идей. Они усовершенствуют технический аспект своей деятельности в области планирования, коммуникаций, пропаганды и выбора целей для своей преступной деятельности. Они сращиваются с международными криминальными структурами, используют их схемы транспортировки грузов и «отмывания» финансовых средств мафии, а также элементы уголовной инфраструктуры. Сказанное характерно для государств «третьего мира», где криминальный бизнес не разделил окончательно «сферы влияния». В развитых странах со стороны криминала оказывается помощь государству в противодействии с террористами. Объясняется это тем, что без этого уголовный мир лишается основных средств существования, а с уничтожением существующего государства, чего добиваются террористы, он погибает.

В постсоветской России теракты начались с 1994 г. и продолжаются до сих пор. За все это время совершены сотни терактов, в ходе которых погибли тысячи людей, нанесен огромный материальный и морально-психологический ущерб. Между тем изучение причин этих явлений, влияние их на образ жизни, психику людей, выявление их отношений к ним – важнейшая исследовательская задача, требующая серьезного научно-теоретического осмысления.

Основой для всплеска терроризма в мире в 2005–2006 гг. стала военная кампания США в Афганистане и Ираке. Сегодня на Ирак приходится почти треть всех террористических актов, совершаемых в мире. 50 % от всех убитых в мире в результате террористических актов людей также приходится на Ирак. Добиваясь противодействия террористическим угрозам, якобы исходящим от Талибана и Саддама Хусейна, США своими военными действиями в Афганистане и Ираке значительно увеличили социальную базу терроризма.

В этой связи примечательно высказывание британского политолога Марка Леонарда, который пишет: «Борьба с терроризмом сосредоточена больше на сдерживании государств, чем на устранении первопричин, побуждающих отдельных людей становиться на путь террора» [4, с. 196]. В определенной мере эту мысль подтверждает французский философ Андре Глюксман: «Американцы большинством голосов признают, что битва против терроризма – дело большой временной протяженности, миссия одного или двух поколений» [4, с. 150].

Между тем в исследованиях, посвященных терроризму, отмеченные аспекты не получили развернутого теоретического осмысления, но их изучение позволило бы более глубоко понять его сущность и психологические причины, побуждающие людей вступать на путь терроризма.

В заключении следует отметить, что в данной публикации нами решались задачи теоретико-методологического осмысления терроризма как социально-политического феномена, выявления его сущностной природы, связанной с политической мотивацией, установления его отличий от иных форм насилия, в том числе криминальных действий.

Библиографический список

1. *Большой* юридический энциклопедический словарь. – М. : Книжный мир, 2006. – 720 с.
2. *Большой* энциклопедический словарь. – М., 1988. – 1600 с.
3. *Версия*. – 2001. – 13–19 ноября.
4. *Глюксман, Андре*. Философия ненависти / Андре Глюксман. – М., 2006. – 284 с.
5. *Гурба, В. Н.* Терроризм: проблемы за пределами террора / В. Н. Гурба // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2.
6. *Дамаскин, О. В.* Социальные аспекты терроризма в условиях глобализации / О. В. Дамаскин // Терроризм в России и проблемы системного реагирования. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2004.
7. *Дикаев, С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование) / С. У. Дикаев. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
8. *Дымарский, Виталий*. О терроризме и его корнях, стволах и кронах / Виталий Дымарский // Российская газета. – 2007. – 13 сентября.
9. *Известия*. – 2006. – № 53.
10. *Изиляева, Л. О.* «Чеченский терроризм»: причины появления, направления минимизации / Л. О. Изиляева // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 19–20 апреля 2005 г.). – М. : Наука, 2006. – С. 489–493.
11. *Ланцев, С. А.* Террор и террористы : словарь / С. А. Ланцев. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004.
12. *Леонард, М.* XXI век – век Европы / М. Леонард. – М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
13. *Ольшанский, Д. В.* Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 288 с.
14. *Устинов, В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В. В. Устинов. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.
15. *Хомский, Н.* 9–11 / Н. Хомский. – М., 2001.
16. *Хоффман, Брюс*. Терроризм – взгляд изнутри / Брюс Хоффман. – М. : Ультра ; Культура, 2003. – 264 с.
17. *Hoffman, Bruce*. Inside terrorism / Bruce Hoffman. – New York : Columbia University Press, 2006. – 432 с.

РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

А.А. Буров
(Россия, г. Пятигорск)

Ключевые слова: геополитическая конструкция, процессы политической интеграции, система политических отношений, геостратегическая роль, субъекты геополитики, столкновение интересов, региональные лидеры.

Key words: geopolitical model, processes of political integration, political connection's system, geopolitical role, geopolitical's subjects, confrontation of interests, region leaders.

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался ускорением политических изменений и увеличением степени их непредсказуемости, нарастанием тенденций глобализации и международной интеграции, кардинальными трансформациями не только структуры,